

Глава 1

Июньский зной в Вучэне уже давал о себе знать душной, липкой тяжестью. Летом здесь часто лили дожди; вот и сейчас за окном низко нависли сизые тучи, то и дело доносился рокот далёкого грома. В классе надрывно, со скрипом старого вола, лениво вращались лопасти огромных потолочных вентиляторов.

Новая учительница математики — миниатюрная женщина в очках — вела последний урок и была уже совершенно без сил.

— Эту задачу на тригонометрические функции я объясняю уже в третий раз! Вы вообще меня слушаете?.. — Её голос, тихий от усталости, сорвался на визг.

Глядя на класс, где каждый занимался своим делом, она изо всех сил пыталась сдержать гнев.

— Чэн Хао, ответь ты! — Учительница сипло выкрикнула имя первого попавшегося парня, который сидел за передней партой и хотя бы не спал.

Тот вздрогнул. Он держал телефон под партой, увлечённый партией в карты, и от неожиданности замешкался. Из динамика на весь класс отчётливо и громко раздалось:

— Поторапливайся, у меня уже цветы вянут!

Те, кто только-только продирали глаза после полуденного сна, так и прыснули со смеху. Молодая учительница густо покраснела. Пальцы, сжимавшие мелок, мелко задрожали.

— Чэн Хао! — прикрикнула она.

Чэн Хао, обычно строивший из себя примерного ученика перед преподавателями, неторопливо поднялся с места и, нагло выпятив подбородок, спросил:

— Учитель, а в чём, собственно, был вопрос?

— Я спросила... поняли ли вы хоть что-то из того, что я тут толкую про тригонометрические функции! — Учительница яростно застучала мелком по двум кривым, начерченным на доске.

Зрение у Чэн Хао было отличным. Золотые очки в тонкой оправе он таскал исключительно ради форса. Пощурившись на доску с умным видом, он выдал:

— Так на доске же нет ни одного треугольника, учитель. Хотите, я выйду и нарисую?

Половина класса покати́лась со смеху. До звонка оставалось всего ничего, сидеть на месте и так не было сил, а после выходки Чэн Хао дисциплина окончательно рухнула — ученики зашумели, точно стадо овец, почувывших волю.

У окна, на предпоследней парте, спал парень. Воротник его школьной формы был поднят, ладонь небрежно закинута за голову. Похоже, он только что повернулся, и его примятое ухо горело ярким румянцем на бледной коже.

Сидевший позади Кун Дун хохотал громче всех. Забывшись, он резко вытянул ногу и со всей дури пнул ножку переднего стула.

Потревоженный посреди сна парень вздрогнул и напрягся. Задерживаться в царстве грёз он не стал — он лениво шевельнул пальцами на парте.

Поняв, что вожак просыпается, Кун Дун испуганно зашипел на одноклассников, призывая всех заткнуться.

Тан Чуань спал сладко. Сквозь сон до него сначала донёсся гул голосов, а следом прилетел ощутимый пинок в стул. Медленно открыв глаза, он приподнял голову. Сзади тут же раздался виноватый писк Кун Дуна:

— Брат Чуань, прости-прости, я не нарочно! Честное слово, я смех сдерживал, чтобы тебя не разбудить, а ноги сами собой дёрнулись... Вот и задел.

Тан Чуань даже головы не повернул:

— У тебя коленный рефлекс прямо в язык отдаёт?

Соседние парты снова затряслись от беззвучного хохота. Ребята корчились, зажимая рты ладонями, чтобы не выдать себя.

Приближалось время обеда. Сонный Тан Чуань лениво разблокировал телефон, совершенно не обращая внимания на повисшую в классе тяжёлую тишину.

На экране всплыло уведомление из группового чата. Гу Чи тегнул его.

[Гу Чи]

[- Чуань-цзы, отбой, махача не будет. Эти придурки из Третьей средней школы, стоило мне назвать твоё имя, затряслись как осиновые листья. Тут же начали сигаретами угощать да извиняться. Говорят, они тебя каждый день в компьютерном клубе видят.]

[Жёлтый]

[- Они чё, реклама из каждого утюга, чтоб его так знать?]

[Чжоу Мяннь]

[- Чуань-цзы, хорош! Когда ты из обычного школьного заправилы превратился в грозу района? Научи старшего брата, а?]

[Гу Чи]

[- Заткнись, а то кастрирую. Меня сейчас вырвет.]

Тан Чуань пробежал глазами сообщения, открыл присланную Гу Чи фотографию, где придурки из Третьей средней школы испуганно кланялись, и брезгливо закрыл её.

[Тан Чуань]

[- Вы разве не вместе?]

Намёк был прозрачным: раз сидите рядом, какого хрена строчите в чат?

[Гу Чи]

[- Вместе, в забегаловке сидим. Жёлтый уже почти мне на колени залез, придурок.]

[- Да мы просто подумали, вдруг наш великий господин Чуань расстроился, что драка сорвалась. Вот и решили развлечь его величество фотками.]

Тан Чуань усмехнулся, тихо выругался и отбросил телефон.

Подняв голову, он наткнулся на взгляд учительницы математики. Она то бледнела, то краснела. В конце концов, окончательно потеряв терпение, она выкрикнула:

— Тан Чуань! Скажи мне, ты эту задачу решить сможешь?

В классе мгновенно воцарилась мёртвая тишина.

Учительница, кажется, сама пожалела о своей смелости и поспешно попыталась сдать назад:

— Если... если не умеешь, ладно. На следующем уроке разберём заново...

Тан Чуань не торопился вставать. Он задумчиво разглядывал доску секунд десять. В этот момент залился трелью долгожданный звонок на перемену. Парень поднялся и уверенным шагом направился к трибуне.

Неужели этот лоботряс, проспавший все уроки, действительно знает решение?

Или он сейчас просто сотрёт её в порошок от злости прямо у доски?!

Весь класс замер, затаив дыхание. Под прицелом десятков испуганных глаз Тан Чуань невозмутимо взял мелок. Взмах руки, пара небрежных движений — и на чистом крыле доски красуется кривой, наспех набросанный треугольник.

Повернувшись к учительнице, он невинно захлопал своими выразительными, изогнутыми полумесяцем глазами и приторно-вежливо спросил:

— Так правильно, учитель?

— Насчёт акций «Хуае» дед уже всё решил, у него свои планы. Раньше я ещё пытался с тобой договориться, всё-таки ты мне брат, но теперь лавочка закрыта. Собирай-ка ты вещички и катись учиться за границу. Хватит позорить семью Лин.

Мелодичные звуки скрипки и приглушённый гул голосов, поднимавшиеся снизу, затихали на лестничном пролёте и окончательно угасали перед тяжёлой дверью из чёрного дуба.

В комнате на огромной, вычурной кровати полулежал семнадцатилетний юноша в тёмно-синей пижаме. Запрокинув голову, он безучастно разглядывал потолок. Из его вены тянулась тонкая трубка капельницы. На лице парня не отражалось ровным счётом ничего, пока стоящий перед ним мужчина без умолку исходил жёлчью.

С момента его перерождения прошло всего пять часов. Лин Цзянь лежал в постели, слушая этот бесконечный нудёж, и морщился от тупой боли в висках.

В прошлой жизни ему было двадцать шесть. Он успел сокрушить всех своих братьев в борьбе за власть, лично разорил кровных врагов клана и за два года взлетел в топ-50 богатейших людей страны в статусе восходящей звезды бизнеса. А потом всё оборвала нелепая автокатастрофа.

Перед тем как окончательно уйти, его блуждающая душа успела увидеть собственные похороны. Мать, которая с самого детства твердила, что он обязан прибрать к рукам всё

наследство Лин, даже не прилетела в страну. Партнёры по бизнесу и фальшивые друзья испарились, не говоря уже о прихлебателях, вечно заглядывавших ему в рот.

Тогда Лин Цзянь впервые по-настоящему осознал, что значит остаться абсолютно одному, преданным всеми.

Впрочем, не совсем.

Один человек всё же пришёл.

Сквозь густую пелену посмертного тумана Лин Цзянь не смог разглядеть его лица. Чётко запомнились лишь глубокие следы от колёс инвалидной коляски на дорожке и то, как дрожало от беззвучных рыданий худое тело.

Он вспомнил его. Это был китайский студент, приехавший в их университет по программе обмена во время летнего лагеря.

Уже тогда у него были парализованы ноги. Красивый, но замкнутый парень. В памяти всплывали обрывки их редких разговоров, и детали, на которые он прежде не обращал внимания, теперь казались огромными и значимыми.

Он вспомнил, что в том семестре, когда они учились вместе, у Тан Чуаня совсем не было друзей. Профессор даже вызывал его на беседу, подозревая глубокую депрессию.

Но отчётливее всего врезался в память дождливый вечер после прощального ужина. Лин Цзянь вызвался отвезти его домой.

Пересаживая Тан Чуаня из коляски на переднее сиденье машины под проливным дождём, он почувствовал, какая у того тонкая, хрупкая талия. Бледное, изящное лицо парня казалось почти прозрачным. И всё же Тан Чуань упрямо тянулся рукой вверх, стараясь удержать зонт над головой Лин Цзяня, чтобы тот не промок.

«Неужели... Тан Чуань в прошлой жизни был тайно влюблён в меня?!»

— Ты меня вообще слышишь? — Грубый окрик вырвал его из воспоминаний.

Лин Цзянь медленно перевёл взгляд на стоявшего перед ним человека. Это был его придурковатый старший кузен, Лин Юнь.

Казалось, природа обделила этого парня умом, пустив все ресурсы на развитие болтливости — его глупость уступала разве что его же наглости. Первое время он ещё как-то держался на плаву в бизнесе благодаря статусу старшего внука семьи Лин, но потом позволил второму

кузену, Лин Юю, использовать себя как пешку и в один миг превратился из золотого мальчика в никчёмного изгоя.

— Ты ведь скоро женишься, верно? — Он слегка приподнялся, устраиваясь поудобнее.

Лин Юнь опешил. Не понимая, к чему клонит кузен, он подозрительно прищурился:

— Тебе-то что? Решил напроситься в шаферы, чтобы затмить меня на свадьбе?

Он с опаской разглядывал младшего брата. Каким бы скользким и невыносимым тот ни был, отрицать очевидное глупо — Лин Цзянь был чертовски хорош собой. В их высшем обществе хватало холёных мальчиков, но природа одарила Лин Цзяня породистой красотой, сделал его одним из главных красавцев столицы.

— Твой отец в курсе, что Лин Юй таскает тебя по закрытым борделям под видом массажных салонов? — ровным тоном спросил он, даже не взглянув на собеседника.

— Ч-что?! Да ты... — Лин Юнь обомлел. Он испуганно зыркнул на дверь и в один прыжок оказался у постели брата. — Ты что, следил за мной?! Или он и тебя туда брал? Ты ведь ничего не наговорил Сяо Ли, паршивец?

Лин Цзянь мысленно хмыкнул:

— Раз ты так дрожишь над своей невестой, зачем тогда тайно содержишь ту начинающую актрисульку?

— Твою мать... Откуда... откуда ты знаешь?! — Лин Юнь едва не грохнулся на колени.

Свадьба с Сяо Ли была на носу, и ни о каком содержании актрис не могло быть и речи. На самом деле на одной из вечеринок к нему прилипла какая-то девица из театрального, защебетала, что они из одного вуза и она им восхищается. Они обменялись контактами и разок тайком сходили в кино.

Но об этом не знал даже личный водитель! Каким образом Лин Цзянь раскопал эту чушь?!

— Лин Цзянь, мне плевать, откуда у тебя эти бредни, но не смей клеветать на меня! Если Сяо Ли узнает, мне конец! Никого я не содержу, слышишь? Никого! Это ложь!

Снаружи слышались шаги на лестнице. Со лба старшего кузена пот катился градом. Их брак с Сяо Ли был чисто деловой сделкой, союзом двух влиятельных семей. Только благодаря этой помолвке дед согласился отписать ему долю акций. Малейший скандал — и всё полетит к чертям.

Глядя на его трясущуюся физиономию, Лин Цзянь едва заметно улыбнулся. Его голос зазвучал вкрадчиво, почти гипнотически:

— На твоём месте я бы беспокоился не об этом. Тебе не интересно, что ещё мне известно? Например... о планах твоего отца подмять под себя долю акций «Хуае»? Или о том, какую аферу вы планируете проверить вместе с Лин Юем?

Лин Юнь застыл, чувствуя, как подкашиваются ноги. Брат казался совершенно чужим.

Месяц назад он с треском проиграл скачки золотой молодёжи, опозорив семью. В наказание самому себе он целую ночь простоял под проливным дождём, после чего слёг с тяжелейшей лихорадкой и только-только пошёл на поправку.

Но как обычная простуда могла так его изменить? Даже взгляд стал ледяным...

«Он что, за этот месяц связался с какими-то тёмными силами?»

Лин Юня прошиб холодный пот. Лин Цзянь смерил его презрительным взглядом и ровно произнёс:

— Того, что я знаю, вполне хватит, чтобы Лин Юй выбросил твою семейку на помойку за ненужностью. Веришь?

Лин Юнь тяжело сглотнул. Слишком много опасных фактов выдал этот сопляк за один раз.

Сомневаться в его словах не приходилось.

— За границу я не поеду, — припечатал он. — Но и сливать ваши грязные секреты прямо сейчас мне недосуг. Так что сделай для меня кое-что, внучок.

Несмотря на сковавший его страх, Лин Юнь недовольно почесал затылок. «Старший внук» вообще-то звучало гордо, так его величали в кругу семьи, но из уст младшего брата это слово вылетело как откровенное издевательство.

За дверью становилось всё шумнее. Семья Лин, как всегда, держала марку: любой маломальски приличный повод превращался в помпезный приём для столичных тузов, и никого не волновало, что в доме лежит больной подросток.

Лин Цзянь прекрасно помнил эту вечеринку из своей прошлой жизни. Тогда доктор вынул иглу капельницы, он натянул дорогой костюм и с безупречной улыбкой кружил среди гостей с бокалом элитного шампанского, идеально отыгрывая роль примерного наследника.

— Ч-чего ты хочешь?.. Но предупреждаю, не наглей! Если загонишь меня в угол, я...

— Устрой мне перевод в другую школу. Как можно скорее.

— С дуба рухнул?! Ты учишься в лучшем лицее столицы иходишь в тройку лучших учеников параллели! Куда тебя ещё несёт?

— Вучэн, Седьмая средняя школа. Второй курс старшей школы... — он запнулся. В прошлой жизни они с Тан Чуанем общались мало, но это название почему-то намертво врезалось в память.

Лин Юнь уставился на него, решив, что у парня от жара поехала крыша. Спросить прямо он не решился — осёкся под ледяным взглядом кузена. Какого чёрта благородному столичному господину понадобилось в этой глухомани?

— Вучэн... Седьмая средняя школа? И в какой класс тебя оформлять?

Этого он не помнил. Он никогда не знал, в каком классе учился Тан Чуань.

Помолчав, он поднял глаза на растерянного кузена:

— Приеду — выберу.

«Мать твою за ногу...» — мысленно разразился трёхэтажным матом Лин Юнь.

Раздался негромкий, деликатный стук в дубовую дверь. Старший кузен, сжав зубы, процедил:

— Ладно. А второе что?

Лин Цзянь позволил себе редкую, искреннюю усмешку. Он протянул руку и дружески похлопал Лин Юня по плечу:

— На сегодняшнем банкете меня не будет. Придумай для родственничков достойное оправдание, дорогой кузен.

И добавил тише:

— Такое, чтобы комар носа не подточил.